

ША!

Дмитрий ДИБРОВ - несомненное явление на нашем не богатом явлениями телевидении. Явление это называется "человек с улицы". Дибров - глас толпы, впервые дорвавшейся до микрофона, получившей карт-бланш в прямом эфире и щедро выплескивающей с экрана все свои комплексы, всю свою неустроенность, уязвленность собственной "малостью". Впервые журналист телевидения оказался абсолютно адекватен своей аудитории. Слава - пусть с сомнительным привкусом, неважно! - была ему обеспечена. И Дибров воспринял ее так, как и должен был воспринять "маленький человек": он преисполнился сознанием собственной значимости. Да и могло бы быть иначе, если к нему на передачу потянулись авторитетные люди, на которых прежде он взирал снизу вверх с благоговейным трепетом, а теперь принимает их у себя в студии на равных? Психологически поведение "хозяина" выстроено очень точно: обезоруживая гостя подчеркнутым пиететом к нему, Дибров как бы "покупает" право вести разговор на своем языке - языке улицы. Его естественность граничит с развязным панибратством, тонкий флер "ученых" слов стыдливо прикрывает "легкость мысли".

Он работает на грани фола - и в этой рискованной игре даже

изощренные зрители находят некоторое очарование.

Впрочем, порой его передачи оставляли впечатление, что Дибров ощущает свою уязвимость и тяготится ею. Комплексы "маленького человека" не истаявали в ярком свете софитов. К тому же даже самый популярный интервьюер всегда остается "прилагательным" при "существительном" - человеке, с которым он беседует. Диброву нужно было продемонстрировать свою самодостаточность. И он сделал "ход конем", организовав в прошлое воскресенье интервью с собой. Надо отдать ему должное: пригласив в качестве интервьюера

ДИБРОВ ДУМАТЬ БУДЕТ!

блестящего и требовательного критика Ирину Петровскую, он априори "подставился" под неприятные вопросы.

Было даже нечто трогательное в этой его открытости, в убийственно-наивных декларациях типа: "признание, которое имеет мое дело", "Дибров потому и любимый, что он любит человека, в любом его проявлении", "Я верю, что зритель чувствует во мне две вещи: способность к созданию нового и любовь к нему" (зрителю. - Г.Ч.). За этими перлами неожиданно высветилась коллизия поистине драматическая: неглупый и небездарный человек, едва ухватив за хвост удачу, искренне уверовал в свое мессианство, в свою способность творить некое новое телевидение. А нам, зрителям, внимавшим его откровениям, было очевидно, что претензии эти не имеют под собой ни культурных, ни интеллектуальных, ни нравственных оснований. Более того, и сам Дибров, по-видимому, ощущал шаткость собственной позиции и, отвечая на все более острые вопросы своей визави, выкладывал козыри уже совершенно в хлестаковском духе.

Апофеозом передачи стало изложение заветной новаторской идеи Диброва: многочасовой прямой эфир с улицы, где каждый проходящий будет волен высказываться, во что горазд. Не-

кое продолжение "Будки гласности", только не препарированной монтажом. Вот что, оказывается, перевернет телевизионный мир.

Кому-то эта идея может показаться довольно привлекательной - но только не тем, кто "имел счастье" видеть пробную передачу такого рода, когда накануне декабрьских выборов Дибров вышел с камерой на Красную площадь, обеспечив доступ к микрофону беснующейся толпе во главе с Жириновским. "Таков мой народ", - с вызовом комментирует Дибров ту передачу. Что же, в логике ему не откажешь: если толпа - это народ, тогда Жириновский - истинный вождь народа, а Дибров - родоначальник подлинно народного телевидения.

... Миллионы зрителей ломают голову: почему это у Диброва такие грустные глаза? Полчища журналистов добиваются чести взять у него интервью. Изюм всех городов доносятся мольбы: приезжай, Дима, выступи у нас. "Погодите", - отвечает в передаче наш герой. - Сижу дома запершись, на телефонные звонки не отвечаю, на тусовки всякие не хожу. День и ночь думаю, как бы вам новое телевидение сделать". Остается только классика вспомнить: "Россия-мать! Когда б таких людей ты иногда не посылала миру..."

Неделя. - 1994. - апр. (№15). - С. 99.